

ББК 63.3(2)44; УДК 94(47).042+94(476)

М. М. Бенцианов, А. Н. Лобин

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ РУССКОЙ АРМИИ В БИТВЕ ПРИ ОРШЕ*

Увеличение интереса к военной истории Средневековья привело к появлению в последние годы целого ряда исследовательских работ, посвященных вопросу организации русской армии в XV–XVI вв. В частности, методика определения численности русской армии XVI в. была предложена А. Н. Лобиним, одним из авторов данной статьи. Эта методика, ставшая шаблоном для целого ряда подобных реконструкций, вызвала определенные нарекания со стороны ряда историков¹. В том числе была

* Благодарим д-ра ист. наук М. М. Крома за ценные замечания, сделанные в ходе подготовки настоящей статьи.

¹ Казакоў А. Паляванне на «Аршанскі міф» // Arche. Гуманітарны агляд. III. 2012. № 5. С. 88–98.

отмечена спорность использования источников более позднего времени, среди которых широкое хождение имеет разряд полоцкого похода 1562/63 г., «самого крупного похода XVI в.».

М. М. Кром справедливо обратил внимание на неравномерность развития вооруженных сил Русского государства в XVI в. Значительные колебания численности (как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения) «служилых городов» были отмечены Н. В. Смирновым². При отсутствии данных о землевладении служилых людей в первой половине XVI в. невозможно выявить динамику мобилизационных процессов, происходивших в различных частях Русского государства. Как следствие, остается слишком большой простор для фантазии исследователей при определении «предельной численности выставляемых контингентов».

Это обстоятельство предопределяет необходимость более тщательного изучения намеченной темы. Авторы данной работы предлагают новую реконструкцию, основанную на привлечении широкого круга источников о землевладении и службе детей боярских — участников Оршанской битвы, позволяющего определить состав тех воинских контингентов, которые принимали участие в сражении 8 сентября 1514 г.

В отличие от целого ряда военных столкновений первой половины XVI в., сражение под Оршей значительно лучше представлено в источниках и может быть с успехом использовано для воссоздания картины организации русской армии этого времени. Первостепенное значение имеют реестры русских пленных, находившихся в замках Великого княжества Литовского, из актов Литовской Метрики. Всего до настоящего времени дошло 5 подобных списков, составленных в промежуток между 1518 и 1538 гг. Отдельной группой в них фигурируют «вязни великое битвы» — пленники битвы под Оршей 1514 г.³

Сопоставление этих списков позволяет уточнить отдельные имена и прозвища (написание имен передано с существенными искажениями, затрудняющими их идентификацию). Всего, по мнению новейших издателей этих документов А. В. Антонова и М. М. Крома, удастся насчитать 173 имени служилых людей, относящихся к Оршанской битве⁴. Стоит, однако, учитывать, что четкое разделение по местам пленения было характерно только для ранних списков. В реестре более позднего 1538 г., в котором появилось большое число новых имен, это правило неоднократно нарушалось.

В Мельницком замке в числе пленных Оршанской битвы был записан Ширий Иванов Племянников. Из реестра 1519 г. известно, что «Ширия Иванов Племянник» был пойман под Витебском. Подобным образом к оршанским пленным, содержащимся в Берестье, были добавлены З. (Заня) К. Тверитин, В. Е. Буйносов, Д. Ф. Тулубьев,

² Кром М. М. Еще раз о численности русского войска в XVI в. (по поводу статьи А. Н. Лобина) // *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2009. № 1/2 (5/6). С. 80–81; Смирнов Н. В. Реконструкция состава и численности русских и литовских войск в битве на Ведроши // *Русское средневековье*. Сб. статей в честь Ю. Г. Алексеева. М., 2012. С. 605–607.

³ Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // *Архив русской истории*. Вып. 7. М., 2002. С. 149–176.

⁴ Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных... С. 149.

которые в предыдущих реестрах фигурировали в списках пленников, что «по замком вкраинным пойманы»⁵. Очевидно, только после захвата Рославля и формирования Рославльского уезда мог перейти на русскую службу рославец И. Роговец⁶. Ко времени русско-литовской войны 1534–37 гг. относились сведения о пленниках «стародубцах». Привлечение дополнительных источников показывает, что такие примеры могли быть весьма распространенными.

В перечне пленников «тое ж битвы великое», содержащихся в Дорогощине, встречается, например, Солтан Корсаков, «с Переславля сын боярский». Его можно успешно сопоставить с переяславским вотчинником Ф. Солтаном Корсаковым, встречающимся в актовых материалах. В 1525 г. он вместе с братьями участвовал в продаже вотчины села Старое Будовское Троице-Данилову монастырю, то есть, попал в литовский плен уже в ходе военной кампании 1534–37 гг.⁷

Некоторые предполагаемые участники Оршанской битвы из списка 1538 г. упоминаются в документах еще в 50-е гг. В 1554 г. Ивану IV была подана челобитная от новгородского помещика Гостя В. Харламова об отставке со службы («стар и болен»). Вместо себя упомянутый помещик Обонежской пятины просил определить в службу своего 11-летнего сына Булгака, когда «в службу приспеет». Видимо, в 40-е гг. Гость Харламов был отпущен на родину. Согласно писцовой книге Деревской пятины 1550/51 г., помещьем здесь владел еще один «оршанец» из реестра 1538 г. — Ф. С. Огибалов. В 50–60-е гг. в качестве послуха в актах встречался также Т. В. Шашебальцов⁸.

Рядовым детям боярским в плену приходилось жить в крайне тяжелых условиях. Нередко им приходилось жить на собираемую милостыню, следствием чего была высокая смертность («а оброку им там ничего не дают, толко што сами про Бог што выпросять, по месту ходять»). Трудно предположить, что после почти трех десятилетий плена они могли продолжать службу. Скорее, перечисленные дети боярские были взяты в плен в ходе так называемой «стародубской войны», что объясняет отсутствие их имен в предшествующих реестрах.

С другой стороны, к числу пленников «великой битвы» неоправданно был причислен Ратай Ширяев Емельянов. Еще в конце мая 1514 г., король Сигизмунд писал крымскому хану о столкновении передовых отрядов: «и тое битвы прислали к нам человека доброго постелника его (Василия III. — М. Б., А. Л.) на имя Рагафея Иванова сына Ширяева». В других документах он фигурирует как «Шыраев Омельянов Ратай Иванов сын» и «Ратай Иванович»⁹. Действительно этот пресловутый «постелник великого князя», имя которого неизвестно собственно московским делопроизводственным источникам, был взят в плен под Оршей, но еще за 5 месяцев до Оршанской битвы.

⁵ Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных... С. 159, 162, 173, 174.

⁶ Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных... С. 172. — Впоследствии Роговцевы известны среди вотчинников Рославльского уезда.

⁷ Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных... С. 172; Шумаков С. А. Обзор грамот коллегии экономии. М., 1917. Вып. 4. С. 325.

⁸ Дополнения к актам историческим. СПб., 1846. Т. 1. № 47. С. 66; Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов (далее — ПКНЗ). М., 2004. Т. 5. С. 215; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие. XV–XVII вв. М., 1975. С. 576.

⁹ Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Кн. 7 (1506–1539). Vilnius, 2011. P. 303. № 158.4.

Сведения реестров, неполнота которых была отмечена М. М. Кромом¹⁰, дополняются свидетельством белорусско-литовских летописей. Победная реляция о сражении под Оршей попала в значительное число летописей. Отражение в ней получил список пленных, взятых в этой битве. В большинстве летописей имена пленников были перечислены в той же последовательности, что говорит об использовании ими одного первоначального источника¹¹. В наиболее полном виде этот источник оказался представлен в Патриаршем списке (опубликован как продолжение летописи Красинского). Как видно из последующего комментария, статья о пленниках оршанской битвы составлялась на основании официальных данных: «А иных многих дети боярских не писано, которые без ведома повезены по иманях князских и панских тых князю гетману его милости не звещали, и в еестр не хотели писати»¹².

Летопись Рачинского содержит общий итог: «до короля Жыкгимонта живых прыведено всих у личбе трыста осмдесят. Дети боярских тых всих по замкох Литовских послано у везене, а простых людеи которых живых поимали нельзе и выписати множества для»¹³. Приведенный в летописях «реестр» отразил, таким образом, наиболее ранние сведения об оршанских пленниках.

Мнение о раннем характере летописных свидетельств и использовании при создании упомянутой статьи официальных данных подтверждается сведениями исторического Кенигсбергского тайного архива (ныне — собрание 20-го отдела Тайного государственного архива фонда Прусского культурного наследия). В списке пленных, вложенном в отчет орденского агента из Пскова (?)¹⁴ от 16 сентября 1514 г. динабургскому контуру, присутствовала та же последовательность имен, с характерными ошибками в написании и транскрибировании, что говорит об использовании в обоих случаях общего первоначального источника¹⁵. Список имен из двух источников см. в Таблице 1.

¹⁰ Кром М. М. Стародубская война. 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 114–116.

¹¹ Список пленных присутствует в Евреиновской, Румянцевской летописях, летописи Рачинского, Патриаршем списке, а также в хронике Литовской и Жмойтской.

¹² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., 1907. Т. 17. Ст. 186.

¹³ ПСРЛ. Т. 17. С. 348. — В более поздней (и испорченной) хронике Литовской и Жмойтской фигурировало уже 596 пленных.

¹⁴ В деле помимо списка есть две копии писем, написанные «в Плескове». Однако орденские канцеляристы могли путать Pleskow (Псков) и Ploskow (Полоцк) (см.: *Napiersky K. E.* Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 245, 345). Вполне возможно, что одно из донесений со списком пленных (для динабургского комтура) написано в Полоцке, а при формировании архива оно очутилось в одном деле с донесением из Пскова (*Napiersky K. E.* Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae: Oder, Kurzer auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung, welche für die Geschichte und das alte Staatsrecht Liv-, Ehst- und Kurland's. Theil II. Riga; Dorpat, 1835. S. 159. № 2643).

¹⁵ GStAPK. XX. HA Hist. StA Königsberg. OBA. 20215. — Выражаем признательность канд. ист. наук С. В. Полехову за помощь в получении фотокопий документов и ряд консультаций.

Списки имен пленников Оршанской битвы
(по белорусско-литовским летописям* и донесению орденского агента)

Белорусско-литовские летописи	Письмо орденского агента (16.09.1514)
«Воевод старейших поймали»	Имена воевод, которые пойманы под Оршей (Das sinth dy namen der voywodon, dy ko: m-t gefangen hat bey Orŕcha)
Князя Михаила Ивановича Булгакова да	Herzcg Michel Iwanovicz Holyzca Bullakoff
брата его родного Дмитрея	Herzog Demetri sein bruder
Ивана Андреевича Челяднина	Iwan Andreovicz Czelyadnyn
Князя Ивана Дмитриевича Пронского	Herzog Demetri Pronszkij
Дмитрея Василевича Китаева	Demetri Vassilowicz Kytayow
Данила Андреевича Плещеева	Daniel Andreovicz Plyszczow
Ивана да Володимера Семеновых Колычова	Iwan und Vlodemir sein bruder sinth kinder des herren Symens Kolyczow
«А детей боярских»	После описанных воевод следуют герцоги и господа и другие благородные люди (Dy ob geschryben sinth alle voywodenn Nach folgen herczoge und herren und andere edellewte)
Князя Бориса и сына его князя Петра Ромодановских	Herzog Barys und sein son Peter Rodomanowskij
Князя Ивана Семеновича Селеховского ^{а)}	Herzog Iwan Semenovicz Syleczowski
Князя Бориса Иванова Стародубского	Herzog Iwanovicz Barysch Starodwbski
Князя Петра Путятина	Herzog Peter Puthyatyn
Братанича его князя Семена Ивановича	Herzog Symon Iwanovicz mit seynem bruder
Андрея Семеновича Колычева	Andre Semenovicz Kolyczewa
Бориса Ивановича Плещеева	Barysch Iwanovicz Plyschkow
Ивана Василевича Кулешина ^{б)}	Iwan Vassilevicz Kwlyschyna
Филипа Иванова Киселева ^{в)}	Philipp Iwanovicz Kyssyel
Юрья Дмитриевича Лысцова ^{г)}	Jorgi Demetrovicz Lyszczowa
Андрея Филипьевича Нащокина ^{д)}	Andre Philipovicz Maskolyna
Ивана Ондреева Еропкина ^{е)}	Iwan Andreovicz Yeropkina
Матвея Ивановича Внукова ^{ж)}	Mathe Iwanovicz Wnokowa
Тимофея Дмитриевича Чубарова ^{з)}	Thimoteus Demetrovicz Czwbrowa
Князя Юрья Ивановича Деева ^{и)}	Herzog Jorge Iwanovicz Dzewa
Ивана Дмитриевича Копнина ^{к)}	Iwan Iwanovicz Kopnyna
Истому Лупандина	Isthoma Lupandzyn
Неклюда Парфеневича Бардина ^{л)}	Nelud Petromovicz Borodzyna
Андрея Полуехтова Обычеева ^{м)}	Andre Palnyathow Abyczayow
Кобца Микитина яселничого ^{н)}	Kabyecz Mikyticz Yasyelnijzj
Будая Кучукова ^{о)}	Bogdan Kwezijkow
Федора Ивановича Новосилцова	Sfeder Iwanovicz Newsyelkow
Семена Федоровича Вузского (Уского) ^{п)}	Symon Fedorowicz Wsskego
Григория Борисовича Безумнаго ^{р)}	Gregor Borossovin Besmnego
Ивана Матвеевича Безстужного ^{с)}	Iwan Matheovicz Kwthozowa ^{с)}
Костантина Давыдовича Засекия (Засекина) Ярославского	Herzog Constantin Davidovicz ^{т)}
Юрья Василевича Шишкова	Jorge Vassilevicz Syskowa
Михаила Хорохина Кутузова	Michael Chorochorovicz
	Herzog Jassyelkyna Jaroslawski ^{у)}
Володимера Бибикова	Vlodomyr Davidovicz Bibykov
Григория Борисовича Таваркова	Gregor Boryssovicz Wskyna (?)
Степана Ивановича Мижуева	Steffan Iwanovicz Myŕvyow
Ивана Яковцовича Скобеличина (Скобельщина)	Iwan Jakowczovicz Koczalo ^{ф)}
Оксена Григоревича Сивинина	Okoyem Gregorovicz Soynyna
Ивана Ивановича Бовыкина Лихорева	Iwan Iwanovicz Kolukyn
Федоровича Култашева	Fedor (?) Ssussyn ^{х)}

* При написании имен в большинстве случаев за основу взята Румянцевская летопись (далее — Р). а) Р — Шаховского; в других летописях — Селеховского; б) Р — пропущено отчество; в) Р — пропущена фамилия; г) Р — Юрья Дмитриева Лынкава; исправлено по Патриаршему списку (далее — П); д) Р — Андрея Филипа Нацокина; е) другие летописи — Андреевича; ж) Р — Матвеева Влукова; исправлено по Евреиновской летописи (далее — Е); з) в Р Губарева; исправлено по П; и) большинство летописей — Дева; к) Р — Сокольника; исправлено по Е; л) Р — Неклюда Плещеева Бордина; м) Р — отсутствует фамилия; исправлено по П; н) Р — Митина; о) в Р — объединен с Ф. И. Новосилцевым («Будодора Ивановича Новосилцова»); п) Р — отсутствует фамилия; р) после Г. Б. Безумного список Р заканчивается. Дальнейшие имена присутствуют только в П; с) фамилия, вероятно, взята от записанного ниже М. Хорхорина Кутузова; т) после И. М. Бестужева в П перечислены Ю. В. Шишков и М. Хорхорин Кутузов, а только затем князь К. Д. Засекин; у) имя князя К. Д. Засекина Ярославского оказалось разбито на две части. После него целый ряд имен, известных по П, оказался пропущен; ф) фамилия взята, видимо, от записанного ниже в П Микиты Яковлева Кочова (Качалова); х) фамилия, возможно, соответствует Косте Сытину из П.

Видно, что список из Кенигсбергского тайного архива буквально совпадает с перечнем пленных из летописей. Совпадение касается не только имен, но и заголовков, помещенных в обоих случаях в аналогичных местах текста. Летописное изложение реестра пленных оказывается, однако, значительно более полным. Письмо агента не добавляет к нему ни одного нового имени.

В другом письме одного из агентов неизвестному комтуру говорится следующее: «Среди них убиты те военачальники, что известны: во-первых, один по имени Михель Шелади, также Григорий Фидоровити, также Михель Хелатия Серски воевода, также Демитра Щепина Оболенски князь, также Кизцел Ровстунски воевода, также Дениттер Китаев, также Петр Плещов, также убит один из московитских господ по имени Перемешкехо (?), также один из двоих полководцев, находившихся здесь в Плескау, именем Михель Кислаци, кроме того некий Герих (?) Сасенского и многие другие, которых не стоит перечислять»¹⁶.

Первым среди погибших воевод упомянут в этом донесении некий Михель Шелади (Mychell Schelady). Агент, скорее всего, по ошибке объединил имена двух главных воевод князя Михаила Ивановича Булгакова и Ивана Андреевича Челяднина, в итоге появился какой-то Михаил Ч(Ш)елади. Надо отметить, что ни тот, ни другой не были убиты — оба попали в плен. Григорий Федорович Давыдов вообще избежал участи быть убитым или пленным. Идентификация воевод *Peremeskeho* и некоего *Gerick Sasenskeho* затруднена, здесь можно строить только догадки.

Похожие ошибки можно встретить в донесении хаускомтура крепости Рагнит от 26 ноября 1514 г., который сообщал о новых известиях из Вильно, касающихся захваченных поляками доказательств соглашения императора и московского государя: «...в этом сражении захвачен был герцог именем Андрей, воевода из Новгорода» (in dieser schlachtung vorgangen ist gefangen worden ein herczog mit namen Andreas woiboth zu Naugarden)¹⁷. Хаускомтур подробно перечислил содержание захваченных у воеводы «статей» (artickel) соглашения между императором Максимилианом и государем

¹⁶ GStAPK. XX. HA Hist. StA Königsberg. OBA 20215 Einlage 2. — Копия письма; 20,3 x 18,3 см; водяных знаков нет.

¹⁷ GStAPK. OBA. 20267. Fol. 1. — Опул.: Joachim E. Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Theil 1 (1510–1517). Leipzig, 1892. S. 234–235. Nr. 78.

Василием Ивановичем. Возникает вопрос об идентификации «герцога Андреаса» — среди пленных «московитов» воевода с таким именем не фигурирует. Зато в списке «вязней» есть боярин конюший Иван *Андреевич* Челяднин, главнокомандующий русской армией, у которого по статусу могли быть важные политические документы.

Остается только удивляться оперативности работы орденской агентской сети, сумевшей за 8 дней, прошедших с начала битвы, доставить комтурам Ливонского ордена копию рассматриваемого реестра и сообщения о потерях.

Отразившийся в летописях реестр пленных также не лишен недостатков. Уже было отмечено, что при перечислении незнакомых им имен и фамилий переписчики сделали большое количество искажений. В ряде случаев были допущены «выпадения» текста, в результате чего зачастую невозможно понять, к кому конкретно относится та или иная запись, особенно приписки о территориальной принадлежности пленников. Присутствуют в нем и очевидные искажения: дважды было названо имя Истома Лупандина, а также, возможно, И. Д. Копнина (Иван Дмитриев Копнин и Иван Копнин), Неклюда Парфенова Бардина (Бардин и Андреев), Т. М. Пушкина (Тимофей Пушкин и Тимофей Михайлов Пужский). Такого рода повторы, скорее всего, были присущи самому тексту реестра пленных и были вызваны спешкой и компилятивным характером его составления.

Всего в статье об Оршанской битве из белорусско-литовских летописей удастся насчитать 126 имен, среди которых только поп князя М. Голицы Булгакова не относился к числу служилых людей¹⁸. Видна очевидная неполнота этого списка, отразившего только треть от общего числа пленных.

Значительная часть представленных в нем имен соотносится с именами пленных из реестров Литовской Метрики. В ряде случаев летописные данные позволяют уточнить сведения о служилых людях. Так, например, М. Шипилин показан в нем как Унковский, М. Хорхорину добавлена фамилия «Кутузов», В. Захарьину — «Зединов» (Изьединов). Неклюд Парфенов, записанный в реестрах из Литовской метрики как Борисов, здесь был отмечен с правильной фамилией — Бардин¹⁹; у Ф. Соловцова указано отчество — Фомин, а у И. Лихорева — отчество и прозвище отца: «Иванов Бовыкин Лихорев».

Убедительно можно отметить подобные пересечения по 86 именам. Еще в 2 примерах отождествление кажется вполне вероятным²⁰. В ряде случаев сведения этого источника оказываются уникальными. Многие пленники не дожили до времени составления более поздних списков. Некоторые из них тем или иным способом вернулись к 1538 г. на родину.

¹⁸ В Патриаршем списке отсутствует Б. И. Плещеев. В ряде летописей имя и отчество князя Б. И. Стародубского (Лявовского) оказались разделенными: отдельно были записаны князь Борис и князь Иван.

¹⁹ В 1552 г. под Казанью погиб его сын Гаврила Неклюдов Бардин.

²⁰ Оксен Григорьев Сивинин, скорее всего, был сыном (возможно, это одно лицо) Григория Свиньина, известного реестру 1538 г. Можно сопоставить также Очина Семенова Борисова из реестров Литовской Метрики и Семена Семенова Борисова из летописного текста.

Надо отметить, что небольшой группе пленных в 1515–1522 гг. удалось освободиться разными путями. Так, в 1515 г., когда посол Сигизмунда к Папе Римскому, участник битвы Николай Вольский, проезжал через цесарские владения, на него напали неизвестные лица и отбили тех невольников, которых он вез в подарок понтифику. Поляки позже утверждали, что нападение было организовано по приказу императора Максимилиана или Тевтонского магистра. Освобожденные из неволи были возвращены через Любек в Москву²¹.

Некоторых рядовых воинов удалось обменять в ходе переговоров 1520–1530-х гг., кое-кому удалось убежать из плена (например: «два москвитины втекли на ...конех сее зимы ... звали тых москвич Теготси Федоров сын Забелин, а другии Велик Негодяев»²²). В начале 1517 г. побег одного пленника стал причиной выяснения отношений между великим магистром Тевтонского Ордена и королем Сигизмундом. В феврале из тюрьмы, что располагалась, очевидно, в Велене (Жемойтия), рядом с границей, бежал пленник Оршанской битвы по имени Булгак (Bulhak Moskus) вместе «с сыновьями и имуществом» («cum filijs et rebus»)²³. Беглецы укрылись в крепости Рагнит. Тевтонцы пленников не выдали, кроме того — гроссмейстер лично просил Вальтера фон Плеттенберга оказать содействие в том, чтобы освобожденные москвиты «свободно и безопасно» могли пройти через Лифляндию домой²⁴.

Из поземельных актов известно, что в 1526–27 г. вернулся в Волоцкий уезд С. И. Мижув²⁵.

С определенной долей условности удастся насчитать 193 имени служилых людей, фигурировавших в различных реестрах из Литовской Метрики и в белорусско-литовских летописях в качестве пленников Оршанской битвы, вместе с теми, «что перед тем на Бобре и на Малявицы пойманы».

Привлекая методы статистического анализа, приведенное число можно рассматривать в качестве своеобразной выборки участников сражения с московской стороны. Важно отметить ее случайный характер. При общем беспорядочном отступлении пленниками литовских воинов становились самые разные лица, начиная от главных военачальников (за ними, видимо, велась целенаправленная «охота») и заканчивая рядовыми детьми боярскими. За счет этого можно довольно точно представить основные территориальные группы, представленные в русской армии во время этого сражения. В дальнейшем, безусловно, более знатным и родовитым пленникам оказывалось большее внимание. Имена некоторых рядовых служилых людей могли быть выпущены из общего перечня (уже была показана, например, неполнота летописных данных).

²¹ Joannes de Lasko — Sigismundo, Rex // Acta Tomiciana: Epistole, legationes, responsa, actiones, res geste Sigismundi I Regis Poloniae. Posnaniae, 1856. Т. III. № CDLI. P. 332; *Strzykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi*. Т. 2. Warszawa, 1846. S. 384.

²² Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных... С. 161. — Можно сопоставить этого Велика (Белика) Негодяева с Веригой Негодяевым, известным в качестве судьи в 1524 г. в Московском уезде (Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975. № 229. С. 232).

²³ GStAPK. XX. HA Hist. StA Königsberg. OBA 21235.

²⁴ GStAPK. XX. HA Hist. StA Königsberg. OF 39. Bl. 221.

²⁵ Акты феодального землевладения и хозяйства (далее — АФЗХ). М., 1956. Ч. 2. № 99. С. 94.

Представительство основных групп в общей совокупности пленников в результате подобных пропусков не должно было существенно меняться.

Рассматриваемая выборка дает возможность определить социальный и территориальный состав объединенной группировки русской армии, выдвинутой в сентябре 1514 г. к Орше. Ее изучение возможно, однако, только при соблюдении двух основных условий: необходимо, с одной стороны, максимально точно выяснить происхождение и территориальную принадлежность фигурирующих в ней лиц и, с другой стороны, установить достоверные параметры определения численности по одной или нескольким преобладающим в общем списке группам служилых людей.

Дополнительные сведения об участниках Оршанской битвы сохранились в других источниках. В общерусских летописях и в родословных книгах содержатся упоминания о гибели в этом сражении князей И. И Темки Янова, И. И. Лобанова Ростовского, И. С. Семейки Ярославского, Г. Д. Засекина, И. Т. Слепого и Ф. Я. Бельского Плещеевых, С. И. Слизнева, В. М. Шапкина Заболоцкого, князя В. Т. Тростенского, Т. К. Замятни Сабурова²⁶. Известно также, что вместе со своим братом Борисом в литовский плен попал князь В. И. Льяловский-Стародубский²⁷.

В новгородских писцовых книгах содержатся упоминания о гибели «под Оршею» помещиков Шиха Мякинина и Н. Курцева (возможно, это Путята Корцев из списка пленных). С того же времени запустело поместье Аргуна Татьянина²⁸. Есть также данные о гибели под Оршей новгородцев А. Савелова (из боярского рода Савелковых) и П. В. Люткина. Первый из них сохранил часть своих вотчин в Бежецкой пятине на правах поместья, второй же был переселен в Костромской уезд и служил уже вместе с «костромичи»²⁹.

Сведения этих источников позволяют уточнить общий характер и территориальную принадлежность участников сражения. Русская армия того времени строилась по территориальному принципу, причем группы дворовых и городских детей боярских в походах могли выступать как совместно, так и отдельно друг от друга. Вне территориальной структуры находились главные воеводы, их близкие родственники, а также, возможно, находящиеся при них «головы» (офицерский корпус).

²⁶ ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. СПб., 1904. С. 22; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 1. С. 89, 117, 135, 303, 348; Ч. 2. С. 48; Памятники истории русского служилого сословия / Составитель А. В. Антонов. М., 2011. С. 67, 77. — В родословных записях убитым в Оршанской битве ошибочно показан князь К. Д. Засекин, попавший в литовский плен.

²⁷ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. С. 62. — Его имя отсутствует в сохранившихся реестрах пленных.

²⁸ Новгородские писцовые книги (далее — НПК). СПб., 1886. Т. 4. Ст. 327, 385; РГАДА. Ф. 137. № 5. Л. 108 об. — Приносим благодарность К. В. Баранову за возможность ознакомиться с текстом писцовой книги, предназначенной для публикации.

²⁹ Савелов Л. М. Материалы для истории рода дворян Савеловых (потомство новгородских бояр Савелковых). М., 1894. Т. 1. С. 10; Корсаков Д. А. Сборник актов, относящихся до рода дворян Люткиных. СПб., 1899. С. 2. — По Костроме служил, видимо, еще один бывший новгородец — Ф. У. Плюснин. Среди пленников Оршанской битвы называются также Г. Колесницын (Колесничего) и Я. Кириллов.

Выявление территориальной принадлежности значительного числа пленников Оршанской битвы определяется благодаря пометам, помещенным возле их имен. Большое количество такого рода помет содержится, в частности, в Патриаршем списке.

Наиболее раннее деление, составленное «по горячим следам», предусматривало выделение двух основных групп: «воевод старейших» (князь М. И. Булгаков и его брат Дмитрий, И. А. Челяднин, князь И. Д. Пронский, И. и В. С. Кольчевы) и детей боярских, к которым были отнесены все остальные пленники. В последней группе были отмечены выходцы из целого ряда служилых корпораций — Великие Луки (луцкие помещики), Ржева, Холм, Брянск, Муром, Волок Ламский, Кострома, Новгород, Тверь, Галич, Можайск, Суздаль, Калуга, Торуса, Серпухов, Коломна («Коломля» и, вероятно, «Комля»). Трудно переоценить значение этих записей, учитывая скудость источников о землевладении служилых людей первых десятилетий XVI в.

В большинстве случаев сведения о землевладении (службе) помещались в нем перед записью имени пленника. В ряде примеров, однако, подобные записи могли быть сделаны уже после соответствующих им имен. Иногда пометы могли распространяться на группу служилых людей (луцкие помещики, новгородцы и т. д.). Не исключено, что некоторые имена могли быть пропущены переписчиками. Все это приводит к необходимости тщательной проверки и привлечения данных других источников.

Сопоставление с реестрами русских пленников из Литовской Метрики дает возможность подтвердить территориальную принадлежность для ряда лиц. Так, например, помета, сделанная возле имени К. Я. Реткинського (Редковського) «з Волока Лаского» буквально соответствует данным реестра 1538 г., где «Кизьма Редкий» показан как сын боярский «з Волока Ламского». Помета «з Новагорода» этого списка, стоявшая перед Ф. В. Обьедовым (Ожедовым) подтверждается реестром 1538 г., в котором был записан Федор Обьедов — «новгородец сын боярский»³⁰.

Больше возможностей дает использование актовых материалов, писцовых книг (особенно по Новгородской земле) и позднейших источников делопроизводственного характера. За счет этого подтверждаются пометы, сделанные возле имен В. З. Изъединова (Зединова) — со «Твери»³¹; Д. Ф. Култашева (с пропуском имени) и Т. К. Оклячьева (Осечелева) — «то Новродць»³²; К. С. Сытина — «из Галича»³³; Е. И. Бритого Отрепьева (Отрупева), С. Ф. Бедарева, Г. Г. Телцова — «Костромь»³⁴; Залежи И. Кайсарова (Исарова) — «з Новагорода»³⁵. Еще в ряде случаев такая связь кажется вероятной³⁶.

³⁰ ПСРЛ. Т. 17. Ст. 187; Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных... С. 168, 172. — В волоцких актах упоминается В. Я. Лапша Реткинский.

³¹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века (далее — ТКДТ). М.; Л., 1950. С. 197.

³² Оба были помещиками Обонежской пятины (ПКНЗ. СПб., 1999. С. 31, 123, 141).

³³ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века (далее — АСЗ). М., 1997. Т. 1. № 64. С. 54; № 128. С. 101.

³⁴ АСЗ. Т. 1. № 23. С. 25. — В 1552 г. упоминается «костромитин» Кирован Г. Телцов.

³⁵ ПКНЗ. М., 2004. Т. 4. С. 418. — Возможно, эта помета относилась также к группе последующих имен, среди которых было представлено много новгородских помещиков.

³⁶ В волости Велила находилось поместье Угрима Съянова. Вероятно, эта волость находилась в ведении холмского наместника, что соотносится с пометой «ис Холму», стоящей возле его имени.

Значительное число помет содержится в реестрах из Литовской Метрики. Часть из них имела социально-генеалогическое назначение и должна была подчеркнуть высокий статус пленников: «яселничий Великого Новагорода», «Ярославских князей», «Клепику братанич», «постелник великого князя», другие — показывали их территориальную принадлежность. Можно отметить высокую степень их достоверности и одновременно однозначность соотнесения с определенными лицами.

Из числа подтвержденных более ранними реестрами имен пленников Оршанской битвы удастся насчитать несколько помет, дополняющих летописные данные: В. И. Брюхов — «костромин», Е. И. Головин — «муромец», А. Микитин (Волынский) — «новгородец», Булгак Г. Ремезин — «с Боровска», Семен Федорович (Бедарев) — «с Костромы», М. Хорхорин — «з Вель Новьгород», Т. Чубаров — «с Вязьмы», Неклюд Парфенов (Бардин), Шестак Вышков, А. Полужник (Одучеев) — «з Муромъла», Т. М. Пушкин — «з Велико Новагорода»³⁷. За исключением Вязьмы и Боровска, таким образом, перечень городов в этих реестрах остался без изменения.

В общем итоге за исключением мещерских татар мурзы Сивиндука (6 человек или 3,1 % от общего числа известных пленников) удастся насчитать 18 территориальных групп служилых людей, из которых «Холм» являлся частью новгородской корпорации. По предположению А. А. Фролова, «Чернокунство» (Холмский погост и в т. ч. волость Велила) были переданы в административное подчинение Торопцу. Помета «Холм», очевидно, зафиксировала промежуточный характер этого процесса³⁸.

Можно предположить, что очерченный круг «городов» был неполон. Согласно сведениям Тысячной книги, по Переславлю служил А. Д. Басманов-Плещеев, отца которого, Данилу Басмана, «взяли на Аршемскомъ деле Литовские люди». По Переславлю в Дворовой тетради были записаны и родственники некоторых погибших под Оршей лиц. Всем родом здесь были перечислены Слизневы, а также И. Ф. Чертенков Шапкин Заболоцкий³⁹. В составе группы князей Стародубских находились потомки князя Б. В. Ромодановского, а среди князей Ярославских — родственники князя И. С. Семейки Ярославского (Князя Сисеевы и Троекуровы). Наконец, по Москве служил князь Н. М. Льяловский-Стародубский⁴⁰. Стоит заметить, что подобные примеры затрагивают представителей знатных фамилий, многие из которых, вероятно, выступали в качестве воевод различного ранга. Воеводские назначения князя И. С. Семейки Ярославского зафиксированы в разрядах⁴¹. К «воеводским» фамилиям принадлежали и многие другие из перечисленных лиц.

Участие знатных «переславцев» в Оршанской битве можно сопоставить с землевладением главных воевод — князя М. И. Булгакова и И. А. Челядина. Оба они были крупными переславскими вотчинниками, так что здесь могли сыграть роль

³⁷ Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных... С. 154, 157, 164, 172, 175. — Отдельной группой были выделены «татарове московские» во главе с мурзой Сивиндуком.

³⁸ Фролов А. А. Статус земель южного пограничья Новгородской земли в XVI – начале XVIII века // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 118–120.

³⁹ ТКДТ. С. 138, 139.

⁴⁰ ТКДТ. С. 121, 125.

⁴¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 123, 132, 137.

поземельные связи. Стоит учитывать и родство между Челяднинными и Слизневыми. Городовых же переславских детей боярских среди пленников «великой битвы» обнаружить не удастся⁴².

Столь же безуспешными оказываются подобные попытки применительно к другим крупнейшим служилым корпорациям центра страны: Москве, Юрьеву, Ростову, Владимиру, Ярославлю, Белому Озеру и полунезависимому Рязанскому княжеству.

И. Б. Михайлова считала, что среди пленников Оршанской битвы было несколько селецких (митрополичья Селецкая волость Московского уезда) детей боярских: К. и Ф. И. Чертовы, М. И. Внуков, Ю. В. Шишкин⁴³. Не вдаваясь в противоречивые и путанные генеалогические построения этой исследовательницы, стоит отметить, что братья К. и Ф. И. Чертовы владели поместьями в Водской пятине. В 1538/39 г. совместным поместьем владели в Никольском Ижорском погосте их сыновья Степан Кузьмин и Иван Федоровы Чертовы⁴⁴.

Фамилии же Внуковых и Шишкиных были представлены в разных уездах Русского государства. При отсутствии прямых упоминаний в источниках названных лиц делать выводы об их землевладении и службе вряд ли является допустимым. Скорее всего, фамилия упомянутого Ю. В. Шишкина в реестре 1525 г. была передана неправильно. В более раннем реестре 1519 г. он был записан как «Шышков». То же написание фигурирует в Патриаршем списке и в письме орденского агента В. Ригенсберга. Шишковы же — известный тверской боярский род. В середине XVI в. представители этого рода, в том числе и Юрьевы Шишковы, во множестве служили по Зубцову и Торжку⁴⁵.

Ошибкой можно признать также утверждение о связи князей Путятиных с Московским уездом. В действительности князя Путятины (из неизвестной родословцам ветви князей Елецких) с конца XV в. владели поместьями в Новгородской земле. Среди них были князя П. Н. и его племянник С. И. Путятины, попавшие в 1514 г. в плен в битве под Оршей. Эта фамилия крайне невысоко котируется в служебном отношении, а ее представители обладали сравнительно небольшими поместными окладами. Составители писцовых книг регулярно опускали у них княжеский титул. Подмосковные владения у князей Путятиных неизвестны⁴⁶.

Не были задействованы в этой битве, видимо, и удельные центры с развитым вотчинным землевладением: Дмитров, Кашин, Бежецкий Верх, Углич.

Таким образом, служилые люди из этих наиболее развитых центральных уездов страны если и участвовали в этом «далнем» походе, то их представительство

⁴² ТКДТ. С. 138. — Пример Солтана Корсакова был рассмотрен выше. Двое других переславцев — С. и И. Барловы, фигурировавшие в реестре 1538 г., неизвестны по другим источникам. Скорее всего, их появление в литовском плену также можно связать с событиями Стародубской войны 1534–1537 гг.

⁴³ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. СПб., 2003. С. 67–68. — Спорным кажется, например, причисление Шишкиных к роду Чертовых. И. В. Шишка Чертов попал в плен под Стародубом в 1534 г.

⁴⁴ Писцовая книга Вотской пятины 1539 года. Новгород, 1917. С. 304.

⁴⁵ ТКДТ. С. 181, 182, 200, 201.

⁴⁶ НПК. СПб., 1868. Т. 3. Ст. 232–242; Временник общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 11. С. 11, 39, 89.

ограничивалось небольшими группами, ускользнувшими из общей выборки по причине своей малочисленности.

Трудно говорить о полноценном участии в Оршанской битве целого ряда других крупных корпораций. Помета «из Судоля», относящаяся, по всей видимости, к И. Д. Котлову (не встречается в других источниках⁴⁷), является единственным примером такого рода. В полной грамоте 1494 г. встречается послух Андрей Ортемов, которого можно сопоставить с Андреем Артуровым из списка пленных⁴⁸. Этими двумя именами исчерпывается представительство суздальцев (1 % от общего числа выявленных пленнх). Видимо, их участие в этом сражении ограничивалось небольшим количеством городских детей боярских.

Основную ударную силу русской армии составили представители новгородской корпорации. С высокой степенью достоверности среди пленников можно идентифицировать имена 62 новгородских помещиков: А. Н. Волинский, Ф. П. Трусов, князь К. Д. Засекин, Т. М. Мусин-Пушкин, А. Г. Соловцов, И. Пупок, В. и А. С. Колычевы, В. О. Шуклинский, А. В. Оничков, Ф. В. Обьедов, С. А. Албычев, А. А. Хрипунов, А. Милославский, Угрим И. Сьянов, М. Хорхорин Кутузов, И. Бovyкин Шишмарев, Ф. Чернцов Паюсов, князя П. Н. и С. И. Путятины, И. Назимов, Хомяк И. Рындин, Ф. Я. Арбузов, А. В. Ерышкин, Г. Б. Товарков, И. Татьяна, князь И. С. Селеховский, И. М. Бестужев, Н. Озарьев, И. Ф. Чеглоков, К. и Ф. И. Чертовы, Д. В. Козицын, Д. и И. И. Стромилы, А. Аргамаков, М. В. Зевалов, К. Басенков, Ф. (Фомин) Соловцов, В. и Н. Я. Качаловы, Я. З. Симонов, О. П. Ловчиков, Т. и Д. А. Румянцовы, Залез И. Кайсаров, Т. К. Оклечеев, Некрас, Д. Ф. и Ф. К. Култашевы, Д. И. Борков, С. Кишкин, Б. И. и Г. А. Собака Плещеевы, Ф. М. Тушин, П. П. Розладин, Г. Т. Ватутин, Д. Скрипицын, И. С. Супонев, Я. М. Бараков, Ф. И. Киселев, К. И. Офросимов (Офросим).

Не удается идентифицировать В. Дедекова Опанасова, возле имени которого стоит помета «з Новагорода». Нет данных также о Ф. Кобце Микитине (Микитине Игнатъеве), «яселничем Великого Новгорода»⁴⁹. Стоит учитывать фрагментарность сохранившихся писцовых книг по Шелонской, Бежецкой и, особенно, Обонежской пятинам. Среди выявленных имен не оказалось помещиков Бежецкой пятины, хотя пример А. Савелова говорит, что некоторые из них определенно участвовали в Оршанской битве. Видимо, по сложившейся практике большая часть «Бежецкой пятины» осталась охранять границы Новгородской земли.

Вероятно общее число новгородцев среди пленников было даже большим. Можно подозревать «новгородское» происхождение еще нескольких детей боярских (К. С. Головин, Л. Прасолов, И. В. Кушелин (Кушелев), Ф. Милюков и т. д.)⁵⁰. Сопоставление родословных

⁴⁷ Возможно, фамилия испорчена. В 1494 г. в Суздальском уезде приобрел холопа Микита Козлов.

⁴⁸ *Хорошкевич А. Л.* Источники по истории полного холопства конца XV – начала XVI вв. // Советские архивы. № 1. 1974. С. 84.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 17. С. 187.

⁵⁰ В начале XVI в. поместье в Водской пятине было пожаловано Ф. С. Головину Глебову. Прасоловы владели поместьями в Шелонской пятине. И. В. Кушелев в 1538/39 г. был помещиком Водской пятины. Известны были среди новгородских помещиков и Кушелины.

росписей и писцовых книг показывает, что среди погибших под Оршей представителей знати также было немало новгородских помещиков: князя И. И. Темка Янов и И. И. Лобанов Ростовские, Г. Д. Засекин, И. Т. Слепого Плещеев⁵¹.

Примыкали к новгородцам также лужские помещики Н. Ростопчин, Некрас Н. Неелов, возможно, также Истома Ярышна (Ерышкин?)⁵². Из-за недостатка сведений невозможно восстановить состав пусторжевских помещиков, которые традиционно принимали участие в походах новгородской рати. В процессе формирования находилась в это время торопецкая субкорпорация.

Вряд ли допустимо говорить о значительном числе участвовавших в битве под Оршей псковичей. Псков был присоединен только в 1510 г. Псковская 3-я летопись однозначно свидетельствует о том, что ко времени взятия Смоленска «земцы еще не сведены со своих отчин». Изложение самого сражения дает намек на участие в нем псковичей: «быти стуку и грому велику между псковичами и Литвою»⁵³. При внимании, уделяемом в этих летописях к участию псковичей в общерусских военных кампаниях, сообщение об Оршанской битве изложено здесь предельно скупое, без характерных деталей, что, видимо, объяснялось недостатком имеющейся информации.

Важным доказательством того, что новгородско-псковские силы составляли в армии значительную часть, служат разрядные записи. В июне 1514 г. в Великих Луках формировался отряд из служилых людей Северо-Запада под командованием князя В. Шуйского: «июня в 7 день послал князь великий на Луки Василья Сергеева сына Левашова. А велел с Лук Великих итти воеводам на литовскую землю к Орше по полком...»⁵⁴ Рать в Великих Луках набиралась в то время, когда главная армия была уже под Смоленском. Позже, в начале сентября, этот отряд подвергся реорганизации: командующий великолуцкой ратью переведен на должность наместника, расформирован сторожевой полк. Новым командующим был назначен князь М. И. Голиця Булгаков.

В начале сентября для соединения с великолуцкой (новгородско-псковской) ратью был направлен корпус И. А. Челяднина. Но в разрядной книге 1475–1605 гг. после слов «из Смоленска послал Литовские земли воевать. И литовские люди под Оршею воевод побили» приводится командный состав только новгородской (великолуцкой) рати князя М. И. Голицы Булгакова⁵⁵. Таким образом, войско под Оршей состояло из двух корпусов, причем служилые люди из Новгородской земли составляли *значительную часть армии*. О существенной роли в объединенной армии помещиков Северо-Запада говорится в Никоновской летописи: «и иных детей боярских Московские земли и Новгородские земли изымаша (выделено нами. — М. Б., А. Л.)»⁵⁶.

⁵¹ НПК. Т. 3. Ст. 91; ПКНЗ. Т. 4. С. 452, 461, 479. — Брат князя В.Т. Тростенского Петр был помещиком Шелонской пятины.

⁵² ПСРЛ. Т. 17. С. 187. — В реестре пленных 1538 г. упоминается также И. Ф. Ростопчин «з Лук Великих сын боярский».

⁵³ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 259, 260.

⁵⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 55.

⁵⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 142.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 22.

Сделанный вывод подтверждает проделанный анализ реестров «вязней» — представители Северо-Запада дали не менее 33,7 % (а с учетом других возможных лиц — не менее 35,8 %) от общего числа известных пленников, явно превалируя в объединенной русской армии над другими корпорациями.

Важно отметить, что новгородцы возглавлялись в этом походе своими собственными воеводами. Помимо И. С. Пупка Колычева и его братьев, упомянутых в реестре пленных под рубрикой «знаменитые воеводы великое битвы», в разрядах встречался Ф. М. Тушин. Не стоит забывать и о погибшем князе И. И. Темке Ростовском, неоднократно руководившем новгородскими полками⁵⁷.

Значительное число пленников принадлежало к костромской (и соседней галицкой), а также муромской корпорациям. Несмотря на фрагментарность сохранившихся источников, удается насчитать не менее 13 имен костромских детей боярских. Пометы говорят о костромском происхождении В. И. Брюхова (Коробина?), С. Ф. Бедарева⁵⁸, Л. Г. Рогачева, Е. И. Бритого Отрепьева⁵⁹. Привлечение других источников дает возможность расширить этот список. В Дворовой тетради, в частности, по Костроме были записаны близкие родственники пленников Оршанской битвы: И. Гневашева Рогатого Бестужего, И. И. Выродкова, И. И. Турова, Я. Кириллова⁶⁰. Среди костромских землевладельцев можно найти родственников Г. Г. Тельцова, Лелы (?) В. Чмутова и Д. Я. Хохлова. По Костроме служили позднее Ероховы (Д. В. Ерохов) и Долгого (Г. М. Иванович Долгого)⁶¹.

Вполне вероятно, что с Костромой были связаны уже упоминавшиеся новгородцы У. Ф. Плюснин и Г. Колесницын. Известно, что именно Костромской уезд был «прибежищем» для выводимых из Новгорода бояр и житых. Без учета этих новгородцев «костромичи» дали 6,7 % от общего числа пленных.

Список пленников-костромичей показывает, что эта группа была широко представлена в Оршанской битве, как на уровне дворовых, так и городских детей боярских. Можно предположить, что, как и в новгородском примере, костромичи (костромская рать) возглавлялись собственными воеводами. Здесь погиб Т. К. Замятня Сабуров, происходивший из числа крупных костромских землевладельцев, воевода сторожевого полка в смоленском походе 1514 г.⁶²

К костромичам примыкали галицкие дети боярские. В летописном тексте пометы «з Галича» стояли возле имен Д. В. Осталупова и К. С. Сытина⁶³. Галицким вотчинником, скорее всего, был также О. Г. Свинын⁶⁴.

⁵⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 75, 78, 136, 140.

⁵⁸ Он же — «Семен Федорович сын с Костромы сын боярский»; АСЗ. Т. 1. № 158. С. 130, 131.

⁵⁹ В реестре пленных 1538 г. фигурировал также И. Корцов «с Костромы».

⁶⁰ ТКДТ. С. 149.

⁶¹ Шумаков С. А. Обзор грамот коллегии экономии. Вып. 4. С. 60; АСЗ. Т. 1. № 289–290. С. 282–283; Козляков В. Н. Новый документ об опричных переселениях // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 209.

⁶² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 169–173.

⁶³ ПСРЛ. Т. 17. Ст. 187.

⁶⁴ АСЗ. М., 2008. Т. 4. № 418. С. 309–310.

Внушительным было число пленных муромских детей боярских. Пометы «с Мурума» и «муромец» были помещены возле имен Е. И. Головина, Н. П. Бардина, Шестака П. Вышкова, А. П. (Полужника) Одучиева, И. Д. Копнина⁶⁵. По аналогии с Костромой, в муромской рубрике Дворовой тетради встречались близкие родственники Ф. М. Киселева, Г. И. Елизарова, а также, вероятно, Очина (Огея) С. Борисова. Возможно, к муромской корпорации принадлежали Фома Бяхов Кривого и Егай Лавров⁶⁶. По Мурому позднее служили многочисленные Лупандины⁶⁷. С некоторой условностью среди пленников можно насчитать 11 возможных муромцев (5,7 % от общего числа).

Из переписки литовского двора известно, что незадолго до самой Оршанской битвы на реке Бобр был разбит передовой отряд «москвичей», и в плен попал воевода «Киселич», которого можно отождествить с Ф. М. Киселевым. Несмотря на отсутствие его имени в разрядах, это была видная для своего времени фигура. В 1506 г. именно он отступал с «боярскими людьми» к Мурому, где располагались его родовые вотчины. Видимо, он возглавлял отряд муромцев во время похода русской армии 1514 г., прервавшегося после поражения под Оршей⁶⁸.

Компактной группой служилых людей в Оршанской битве был представлен Волок Ламский. Несмотря на скромные размеры этого уезда, среди пленников удается насчитать сразу несколько «волочан»: К. Я. Реткинско, С. И. Мижужева, В. Д. Бибилова, И. Бурцова, Т. Бетляшова Меринова (2,6 % от общего числа). Как показал С. З. Чернов, часть волоцких (и, вероятно, ржевских) землевладельцев находилась на великокняжеской службе. Тем не менее, для некоторых из рассматриваемых лиц очевидна связь с двором волоцких князей⁶⁹. У «Давыдовых детей Бибилова» отнимал села князь Борис Волоцкий, а В. Д. Бибилов упоминался в духовной грамоте его сына — князя Ивана Рузского⁷⁰. В 50-е гг. XVI в. по Волоку служили Бибиловы и Мижухевы⁷¹. Разрядные книги показывают, что князь Федор Волоцкий регулярно привлекался к участию в военных действиях на западном направлении. Его отряды принимали участие во взятии Смоленска в 1513 г.⁷² Вероятно, находившиеся в них служилые люди позднее были задействованы в Оршанской битве.

На уровне только дворовых детей боярских среди пленников Оршанской битвы были представлены тверские дети боярские. Среди них — В. З. Изъединов и В. Г. Бороздин. Вотчинами в Тверском уезде владели Шишковы (Ю. В. Шишков) и Безумного

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 17. Ст. 187; Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных... С. 154, 157, 172.

⁶⁶ ТКДТ. С. 157.

⁶⁷ Кротов Я. Десятни 1556–1622 гг. Десятни 1578 г. по Мурому // http://krotov.info/yakov/rus/17_ru_moi/desyatni/15780702.html (дата посещения — 26.07.2013).

⁶⁸ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo // Acta Tomiciana. Т. III. Р. 4–6; ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 177.

⁶⁹ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 312.

⁷⁰ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. С. 290–292.

⁷¹ ТКДТ. С. 178–179. — Здесь же числились В. и И. Т. Внуковы.

⁷² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 127.

(Г. Б. Безумного), поместьями — Лазаревы (В. Г. Лазарев)⁷³. Здесь были как выходцы из тверского боярства, «двор тверской», так и тверские помещики, перебравшиеся сюда только в конце XV в. (В. З. Изъединов). Очевидно, обе эти группы, несмотря на различное происхождение и статус, несли совместную службу⁷⁴.

В меньшем числе были представлены в этом сражении остальные территориальные группы. Можно отметить большое количество среди пленников служилых людей из западных уездов. Прежде всего, это Можайские и вяземские дети боярские. Обе эти корпорации во втором десятилетии XVI в. находились в стадии своего формирования. В последующие годы их состав подвергся значительному видоизменению, что существенно усложняет задачу по определению территориальной принадлежности. Применительно к вяземским детям боярским удастся обнаружить 3 подобных примера. Помета «с Вязьмы» стояла в реестре пленных 1538 г. возле имени Т. Д. Чубарова. По Вязьме, согласно Дворовой тетради, служили сыновья Будая Кучукова и С. Ф. Узкого⁷⁵. Помещиками Вяземского уезда были и некоторые другие однофамильцы пленников Оршанской битвы (например, Кикин), но данных для подобного отождествления недостаточно.

В летописном тексте присутствует одна помета «с Можайска», которая относилась к В. Резанову (Реранову)⁷⁶. Помимо этого связи с Можайской корпорацией имели В. Г. Одерин и И. А. Еропкин. Гридя Одерин в начале 90-х гг. был одним из детей боярских князя Андрея Углицкого, нападавших из Можайска на литовские земли. Одерины упоминаются в реликтовом слое Можайской писцовой книги 1626 г., относящемся к началу 40-х гг. XVI в.⁷⁷ По Можайску была записана в Дворовой тетради 50-х гг. ветвь Еропкиных, к которой принадлежал И. А. Еропкин. Сам он владел здесь вотчиной — селом Суровцево⁷⁸. В Можайской рубрике Дворовой тетради был записан также внук А. Ф. Нащокина — В. М. Ордин-Нащокин. Здесь же находилась целая группа Дубенских и Б. В. Клешнин, возможный брат оршанского пленника Ф. В. Клешина⁷⁹. Связи с Можайским уездом можно предположить и применительно к некоторым другим пленникам Оршанской битвы⁸⁰.

Определенное число пленных дал Боровск. Помимо уже упомянутого Булгака Ремезина, к этой территориальной группе принадлежал, вероятно, И. И. Потребинский.

⁷³ Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. М., 2005. С. 169, 214, 226, 297.

⁷⁴ Изъединовы происходили из числа суздальских вотчинников.

⁷⁵ Антонов А. В., Крам М. М. Списки русских пленных... С. 172; ТКДТ. С. 190.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 17. Ст. 187. — В 40-е гг. XVI в. Можайскими помещиками были Иван и Русин Резановы (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10815. Л. 191).

⁷⁷ Сборник русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 2; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10815. Л. 143, 918 об.

⁷⁸ ТКДТ. С. 184; АФЗХ. Ч. 2. № 127. С. 120.

⁷⁹ Нащокины и Клешины владели вотчинами в Можайском уезде. «Боровитин» Мартыян Васильев Клешнин, еще один вероятный брат Ф. В. Клешина, погиб в Казанском походе 1552 г.

⁸⁰ Землями в Можайском уезде в 40-е гг. XVI в. владели Гридкины, Усовы, а также Федор Пасынков. В реестре 1538 г. называется также Ф. С. Коноплев, выходец из семьи Можайских вотчинников. Родовая вотчина — село Бели — принадлежало в Можайском уезде Бельским-Плещеевым.

Среди боровских тысячников в 1550 г. упоминался его родственник (возможно, сын) — В. И. Незомай Потребинский. По Боровску служили потомки брата Ф. И. Новосильцева⁸¹.

Серпухов и Таруса, видимо, были представлены только городовыми С. П. Рудневым и Г. Ф. Юдиным, соответственно. Алфавит несохранившейся десяти 1556 г. называет большое число Рудневых, служивших по Серпухову. В отличие от предыдущих примеров обе эти корпорации были слишком малочисленными. В той же серпуховской десяти 1556 г. фигурировало вместе с новиками всего 66 служилых людей. Разряд полоцкого похода 1563 г. показывает наличие 104 «серпухович дворовых и городовых»⁸².

Помета «из Олексина» была помещена возле имени К. Н. Ярого Любученинова (возможно, в этой записи были объединены два человека)⁸³. Отсутствие сколь угодно полных сведений об Алексинском уезде не дает возможности сделать вывод о степени участия алексинских детей боярских в Оршанской битве.

В качестве предположения можно отождествить Василия Одешкова из Патриаршего списка и Василия Здешковского, отца медынских детей боярских И. и А. В. Здешковских (из «литвы дворовой»)⁸⁴. Определенное количество служилых людей дали расположенные на самой границе удельные Брянск (М. Шипилов Унковский) и Калуга (С. С. Борисов или К. Н. Ярого Любученинов).

Из других удельных городов по Ржеве Володимеровой, скорее всего, служил П. Кобылин «изо Ржовы». Позднее Кобылины встречались в реликтовом слое ржевской писцовой книги 1588–89 гг., восходящем к 50-м гг. XVI в. Вероятно, П. Кобылин принадлежал к числу служилых людей князя Дмитрия Углицкого⁸⁵.

Можно отметить единичный характер представительства удельных служилых людей. Вряд ли допустимо искать в объединенной армии следы присутствия отдельных удельных воевод. Более вероятно, что из подчинявшихся удельным князьям воинских контингентов в поход были отправлены отдельные группы служилых людей, перешедшие в ведение великокняжеских воевод без учета их обособленного статуса.

Сложен вопрос об участии в Оршанской битве детей боярских из Коломенского уезда. В летописном описании содержится два упоминания об этом «городе». Помета «с Комля» была помещена возле имени Дороши Киндикова⁸⁶. Это, видимо, одно лицо с Дробышем (Дербышем) Киндяковым, из тех, кто «сами были прехали». Каширская десятина 1556 г. знает нескольких Киндяковых, которые, очевидно, перебрались сюда из соседнего Коломенского уезда⁸⁷.

⁸¹ ТКДТ. С. 74, 174.

⁸² *Кротов М. Г.* Опыт реконструкции десяти по Серпухову и Тарусе 1556 г., по Нижнему Новгороду 1569 г., по Мещере 1580 г., по Арзамасу 1589 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 84; *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 129.

⁸³ ПСРЛ. Т. 17. Ст. 187.

⁸⁴ ТКДТ. С. 206. — В. Б. Кобрин причислял Здешковских к вяземским боярам (*Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 124).

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 17. С. 187; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 70. Л. 308 об., 656 об.

⁸⁶ Вторым вероятным коломенцем был Денисов Щекин (имя, очевидно, выпущено).

⁸⁷ *Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных... С. 161; Каширская десятина 1556 г. // *Heraldica: Исторический сборник.* СПб., 1900. Т. 1. Отд. 4. С. 41.

Полные сведения по Коломенскому уезду относятся к 70-м гг. XVI в. Среди коломенских помещиков этого времени можно встретить однофамильцев Истомы Отокова, Д. М. Гомзякова (Комзекова) и Г. А. Коломенина (Коломенского). По Кашире в середине XVI в. служили также однофамильцы Н.С. Оринкина⁸⁸. Сама же каширская корпорация (как, скорее всего, и тульская) вряд ли существовала в рассматриваемый период времени⁸⁹. Все отмеченные примеры по Коломне и Кашире были связаны с городовыми детьми боярскими.

Подводя итоги, стоит отметить полноценное участие в Оршанской битве населения нескольких территориальных групп: Новгород и Великие Луки, Кострома (с Галичем), Муром, Волок Ламский, возможно, также Тверь, Можайск и Коломна. В случае с новгородской, костромской, муромской и волоцкой корпорациями можно предполагать наличие у них собственных воевод. В Оршанской битве они были представлены дворовыми и городовыми детьми боярскими, по аналогии с организацией «ратей» удельного времени.

Другие группы отличались разрозненностью и были представлены сравнительно небольшим количеством людей. В значительном количестве примеров из них невозможно было бы сформировать полноценные воинские единицы, прообраз будущих дворянских сотен. Вряд ли можно говорить о сохранении в этом случае территориальной структуры. Скорее, служилые люди из разных «городов» были искусственно объединены без учета этого фактора. Большое число «офицеров», выходцев из знатных фамилий, участвовавших в этом сражении, косвенно подтверждает это предположение.

Разнообразие западных уездов, примыкающих к Смоленску, и почти полное отсутствие среди пленников представителей многочисленных корпораций центра страны свидетельствуют о том, что в «далний» поход были отобилизованы имеющиеся в наличии воинские силы, без созыва характерных для крупных походов общевоевских сборов. Разрядные записи показывают, что русская армия в Оршанском походе состояла из двух основных частей: часть полков выдвигалась из Смоленска, другие («новгородская рать») шли на соединение с ними из Великих Лук. Это объясняет численное преобладание новгородцев в Оршанской битве. Задержавшиеся в Смоленске «годовщики», в первую очередь, из числа костромских, муромских, волоцких и тверских детей боярских, заметно «поредели» за время службы. В летописях были отмечены многочисленные «отъезды» («а сила не нарядна была, а инии в отъезде были»⁹⁰).

Учитывая традиционную тактику русских войск, рассыпавшихся небольшими отрядами-загонами для разорения вражеской территории (Борисов, Минск, Друцк и их окрестности) и осады крепостей, трудности сбора разрозненных групп выглядят

⁸⁸ Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. М., 1891. С. 13, 15, 18; Каширская десятня 1556 г. С. 31, 36.

⁸⁹ Бенцианов М. М. Каширская десятня 1556 г.: К вопросу о становлении «служилого города» в Русском государстве // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2011. № 1 (9). С. 201–212.

⁹⁰ ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 215.

вполне естественными. Воеводам приходилось доукомплектовывать «личный состав» за счет имевшихся поблизости служилых людей западного пограничья.

Уже после поражения в сражении под Оршей в распоряжении у смоленского наместника князя В. В. Шуйского остались значительные воинские контингенты. То есть, к Орше были отправлены далеко не все имеющиеся на западной границе служилые люди. Как правило, в дальний поход «на пустошение Литвы» выходила далеко не вся корпорация в полном составе (служилые люди отбирались по принципу лучшей «конности, людности и оружности»⁹¹), а лишь те, кто мог нести дальнюю полковую службу «о-двуконь» (с запасными лошадьми). Скорее всего, в состав полков входила лучшая часть, «выбор».

Рассматривая составленный список пленных как выборку общего состава русской армии, можно попытаться в самых общих чертах определить ее численность. В этом отношении трудно переоценить роль комплекса новгородских писцовых книг, особенно писцовых книг Водской пятины. Данные этого источника могут выступать в качестве «точек опоры» для возможных расчетов предельной численности каждой отдельной территориальной корпорации.

Писцовая книга Водской пятины была составлена в 1501–03 гг. и хронологически соотносится с событиями смоленской кампании 1514 г. До настоящего времени эта писцовая книга дошла практически в полном виде. Выпущенным оказалось описание трех погостов: Богородицкий Дягиленский, Спасский Орлинский и Никольский Грязневский. Некоторые из помещиков этих погостов упоминались в других частях писцовой книги. Частично восстановить их состав помогает так называемая «Поганая книга» — выписки из писцовой книги Дмитрия Китаева, сделанные в родословных целях в XVII в.⁹²

Вместе с малолетними детьми в рассматриваемой писцовой книге без учета различных дворцовых слуг и компактной группы ивангородцев фигурировало порядка 460 помещиков. Анализ последующего писцового описания Водской пятины 1538/39 г. показывает, что за прошедшие три десятилетия личный состав местных помещиков практически не изменился. Новые поместные раздачи привели к появлению здесь не более 6–8 фамилий служилых людей. Некоторые фамилии (в основном из числа знати), наоборот, оставили новгородскую службу. С определенной условностью, таким образом, удается насчитать не более 480 имен помещиков, владевших здесь поместьями во втором десятилетии XVI в. С учетом неполноты имеющихся данных, можно предположить, что общая численность этой субкорпорации не превышала 500 детей боярских⁹³.

⁹¹ Лобин А. Н. Битва под Оршей. СПб., 2011. С. 103–104.

⁹² Баранов К. В. Писцовые описания Новгородской земли последней четверти XV века // ПКНЗ. М., 1999. Т. 1. С. 15–16. — В частности, в «Поганой книге» среди помещиков Спасского Орлинского погоста значатся Огибаловы.

⁹³ Общее число помещиков Водской пятины в Оршанской битве составляло 13 человек (6,7%): А. С. Кольчев, Ф. П. Трусов, С. А. Албычев, А. Милославский, князя П. Н. и С. И. Путятины, И. Некрасов Назимов, Д. И. Хомяк Рындиин, Г. Б. Товарков, И. М. Бестужев, К. и Ф. И. Чертовы, Д. И. Борков.

В полном виде сохранилась и писцовая книга Деревской пятины конца XV в. Этот источник, однако, не отразил в своей основе массовые поместные раздачи первых лет XVI в. Достаточно сказать, что в писцовом описании 1538/39 гг. и в платежной книге 1542/43 г. фигурировало не менее 143 фамилий, отсутствовавших в первом писцовом описании Деревской пятины. О некоторых из них имеются прямые указания источников об испомещении в первые годы XVI в.⁹⁴ В 1514 г. по этой пятине служило значительно больше детей боярских, чем в соседней Водской пятине, что объясняет высокое представительство «деревцев» среди пленников Оршанской битвы (32 имени). Хронологическая удаленность и неполнота писцовых книг 1538/39 г., а также сложный, составной характер платежной книги 1542/43 г. (в значительной мере в ней фигурировали имена, относящиеся к первому десятилетию века, в т. ч. среди живущих помещиков были записаны пленники Оршанской битвы) не позволяют, к сожалению, использовать их в полной мере. Тем не менее, очевидно, что во втором десятилетии XVI в. поместьями в Деревской пятине владело не менее 750 помещиков (без учета дворцовых слуг).

Если принять во внимание участие в сражении *всех* помещиков Водской и Деревской пятин (1250 детей боярских или 23,3 % от выявленных пленных), то общая численность служилых людей — участников рассматриваемого сражения вместе с татарами и без учета «простых мужиков» — в соответствии с принципом пропорции могла достигать 5400 человек. Это соотношение несколько условно и могло незначительно меняться (в меньшую сторону) при обнаружении новых имен — помещиков Водской и Деревской пятин в рассматриваемой выборке.

Приведенные данные подкрепляются общими наблюдениями над мобилизационными способностями служилых людей Северо-Запада в указанное время. С учетом отсутствия среди пленных Оршанской битвы «Бежецкой пятины» и проведенных поместных раздач в примыкающих к Новгородской земле территориях (в первую очередь, в Великолуцком и Пусторжевском уездах), предельную численность детей боярских этого региона в рассматриваемом сражении можно оценить в 2000–2300 человек. Учитывая очевидное доминирование «новгородцев», уместно будет говорить о том, что число совокупности служилых людей в русской армии не могло превышать 6000 человек. Реально же эта цифра должна была быть еще несколько меньшей, поскольку в любом крупном походе не могли принимать участие абсолютно все числившиеся в той или иной корпорации служилые люди.

При общей скудости сохранившихся источников по истории формирования организации службы в Русском государстве XV–XVI вв. предложенная методика позволяет существенно расширить возможности исторического анализа источников «списочного

⁹⁴ Среди помещиков Деревской пятины впоследствии было много «людей» князей И. Ю. Патрикеева (Моланьины, Телехтемировы, Очкасовы, Шамшовы, Пановы, Башевы, Жиборовы) и С. И. Ряполовского (Пятого). Раздачи для этой группы помещиков производились в 1501–1503 гг. В 1503 г. поместье было пожаловано С. И. Стромилу (АСЗ. Т. 1. № 271. С. 246). Наконец, в платежной книге 1542/43 г. содержится упоминание о раздаче дворцовой волости Крутая в 7012 (1504/05) г.

характера». В частности, большие возможности дает ее применение при оценке численности русской армии во время «казанского взятия» 1552 г.

К сожалению, предлагаемая методика, которая на данном этапе находится на стадии апробации и нуждается в более серьезной доработке, не позволяет точно оценить численность всей русской армии, принимавшей участие в Оршанской битве. Тем не менее проделанный анализ позволяет убедительно говорить о значительном преувеличении масштабов этого сражения в польской и современной белорусской историографии. Для русской стороны это была достаточно рядовая битва, которая, правда, неожиданно повлекла за собой несоизмеримые для подобных столкновений потери и надолго сохранилась в памяти современников и потомков.

Данные о статье

Авторы: Лобин, Алексей Николаевич — кандидат исторических наук, руководитель группы научно-методических разработок ФГБУ «Государственный комплекс “Дворец конгрессов”» Управления делами Президента РФ, Санкт-Петербург, Россия, alobin@mail.ru;
Бенцианов, Михаил Михайлович — кандидат исторических наук, Россия, Екатеринбург, bmm4@yandex.ru

Заголовок: К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше

Резюме: В статье рассматривается структура русской армии 1514 г. на основании списков пленных под Оршей и широкого генеалогического материала (родословные, писцовые книги, актовый материал). Методы социологического исследования позволяют рассматривать выявленных 193 имени служилых людей, пленников Оршанской битвы, в качестве своеобразной репрезентативной выборки участников сражения. При общей скудости сохранившихся источников по истории формирования организации службы в Русском государстве XV–XVI вв. предложенная методика позволяет существенно расширить возможности исторического анализа источников «списочного характера».

Ключевые слова: битва под Оршей 1514 г., списки русских пленных, русско-литовские войны, генеалогия

Литература, использованная в статье

Антонов, Антон Владиславович; Кром, Михаил Маркович. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. Вып. 7. Москва: Древлехранилище, 2002. С. 149–176.

Баранов, Константин Владимирович. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. Москва: Древлехранилище, 2004. С. 119–154.

Бенцианов, Михаил Михайлович. Каширская десятина 1556 г.: К вопросу о становлении «служилого города» в Русском государстве // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Санкт-Петербург, 2011. № 1 (9). С. 201–214.

Веселовский, Степан Борисович. Дьяки и подьячие. XV–XVII вв. Москва: Наука, 1975. 611 с.
Веселовский, Степан Борисович. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. Москва: Наука, 1969. 583 с.

Кобрин, Владимир Борисович. Власть и собственность в средневековой России. Москва: Мысль, 1985. 278 с.

Козляков, Вячеслав Николаевич. Новый документ об опричных переселениях // Архив русской истории. Вып. 7. Москва, 2002. С. 204–211.

Кром, Михаил Маркович. Стародубская война. 1534–1537. Из истории русско-литовских отношений. Москва: Квадрига, 2008. 140 с.

Кротов, Максим Гаврилович. Опыт реконструкции десятен по Серпухову и Тарусе 1556 г., по Нижнему Новгороду 1569 г., по Мещере 1580 г., по Арзамасу 1589 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Москва: АН СССР, 1985. С. 69–91.

Лобин, Алексей Николаевич. Битва под Оршей 8 сентября 1514 г. Санкт-Петербург: Общество памяти игумении Таисии, 2011. 264 с.

Михайлова, Ирина Борисовна. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. Очерки социальной истории. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2003. 640 с.

Смирнов, Николай Валентинович. Реконструкция состава и численности русских и литовских войск в битве на Ведроши // Русское средневековье. Сб. статей в честь Ю. Г. Алексева. Москва: Древлехранилище, 2012.

Чернов, Сергей Заремович. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. Москва: [б. и.], 1998. 543 с.

Information about the article

Author: Lobin, Aleksey Nikolaevich — Ph. D. in History, head of scientific and methodic development group of the National Congress palace, St.-Petersburg, Russia, alobin@mail.ru;

Bentsianov, Mihail Mihajlovich — Ph. D. in History, Russia, Ekaterinburg, bmm4@yandex.ru

Title: On the question of the structure of the Russian army at the Battle of Orsha

Summary: Unlike many war conflicts of the first half of 16 century the course of the battle of Orsha is well reflected in historic sources and the data concerning it might be used to reconstruct the organization of the Russian army of the period. The lists of the Russian captives prisoned in the GDL castles contained in Lithuanian Metrics are of primary importance for the subject. Only five such lists formed in between 1518 and 1538 had been preserved. “Prisoners of the great battle”- i.e. captives of the Orsha battle of 1514- are sorted out in these lists. In later list of 1538 to which many new names were added, there is no such distinction.

With a certain assumption one may count up 193 names of *sluzhilye ludi* mentioned in different lists of the Lithuanian Metrics and Byelorussian-lithuanian chronicles as captives of the Orsha battle. Using statistic analyzes method this number might be regarded as a selection of Moskovite side participants. We must stress its random nature. To become a prisoner of the Lithuanian soldier could different people from a highest rank commanders (probably, they were “hunted” after) to ordinary *deti boyarskie* taking into account the chaotic retreat of the Russians. But due to that we may know what territorial groups of the Russian army were represented in this battle. As a total we may count up 18 territorial groups of *sluzhilye ludi* excluding Meschera Tatars under Mirza Sivinduk command (they were 6 or just 3,1% of the captives known). No less than 33,2% (and might be even up to 35,8%) of total amount of the known captives formed people from the North-Western territories, with evident prevail over the rest of the Russian army corporations. Taking into account all the *pomeshiki* of Vodskaya and Derevskaya pyatina (1250 *deti boyarskie* or 23,3% of prisoners known from historic sources) we might state that total number of participating in the battle along with Tatars might be up to 5400 according to our proportion (that is not counting

common *slugi*). This proportion might slightly change to lesser if new data concerning *pomeshiki* of Vodskaya and Derevskaia pyatina would be discovered.

As representatives of *Bezhtetskaya pyatina* and other Novgorod territories are absent among the captives of the Orsha battle we could estimate the overall possible number of *deti boyarskiye* from this region in the battle as 2000–2300 person. Considering the Novgorod people prevailing one may state that *sluzhilye ludi* in the Russian Army were no more than 6000.

Unfortunately this method of reconstruction still needs improving and doesn't let us estimate an exact number of the Russian Army participants in the Orsha battle. Nonetheless the undertaken analysis of the Army's territorial structure proves that the large scale of the battle was amplified both in Polish and modern Byelorussian historiography.

Keywords: Battle of Orsha in 1514, lists of Russian prisoners of war, Russian-Lithuanian War, genealogy

References

- Antonov, Anton Vladislavovich; Krom, Mikhail Markovich. Spiski russkikh plennykh v Litve pervoy poloviny XVI veka [Lists of Russian prisoners in Lithuania in the first half of 16th century], in *Arkhiv russkoy istorii*. Vol. 7. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2002. Pp. 149–176. (In Russian.)
- Baranov, Konstantin Vladimirovich. Zapisnaya kniga Polotskogo pokhoda 1562/63 goda [The note book of the Polotsk hike of 1562–1563 years], in *Russkiy diplomatiy*. Vol. 10. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2004. Pp. 119–154. (In Russian.)
- Bentsianov, Mikhail Mikhaylovich. Kashirskaya desyatnya 1556 g.: K voprosu o stanovlenii «sluzhilogo goroda» v Russkom gosudarstve [Kashira chronicle of nobility of 1556: County Corporation of gentry and boyars' children], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Sankt-Peterburg, 2011. № 1 (9). Pp. 201–214. (In Russian.)
- Chernov, Sergey Zaremovich. *Volok Lamskiy v XIV – pervoy polovine XVI v. Struktury zemlevladieniya i formirovanie voenno-sluzhiloy korporatsii* [Volok on the Lama in 14th – first half of the 16th centuries. Land ownership and the formation of the serving military corporations]. Moscow: [b. i.], 1998. 543 p. (In Russian.)
- Kobrin, Vladimir Borisovich. *Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoy Rossii* [Power and property in medieval Russia]. Moscow: Mysl' Publ., 1985. 278 p.
- Kozlyakov, Vyacheslav Nikolaevich. Novyj dokument ob oprichnykh pereseleniyakh [New document on Oprichnina migrations], in *Arkhiv russkoy istorii*. Vol. 7. Moscow, 2002. Pp. 204–211.
- Krom, Mikhail Markovich. *Starodubskaya voyna. 1534–1537. Iz istorii russko-litovskikh otnosheniy* [Starodubskaya war 1534–1537. From the history of Russian-Lithuanian relations]. Moscow: Kvadriga Publ., 2008. 140 p. (In Russian.)
- Krotov, Maksim Gavrilovich. Opyt rekonstruktsii desyaten po Serpukhovu i Taruse 1556 g., po Nizhnemu Novgorodu 1569 g., po Meshchere 1580 g., po Arzamasu 1589 g. [Chronicle of nobility's reconstruction experience based on Serpukhov and Tarussa in 1556, on Nizhny Novgorod in 1569, on Meshchera in 1580, and on Arzamas in 1589], in *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabrskogo perioda*. Moscow: AN SSSR Publ., 1985. Pp. 69–91. (In Russian.)
- Lobin, Aleksey Nikolaevich. *Bitva pod Orshey 8 sentyabrya 1514 g.* [Battle of Orsha on September 8th 1514]. Saint-Petersburg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii Publ., 2011. 264 p. (In Russian.)

Mikhaylova, Irina Borisovna. *Sluzhilye lyudi Severo-Vostochnoy Rusi v XIV – pervoy polovine XVI veka. Ocherki sotsialnoy istorii* [The service class of Northeast Russia in 15th – first half of 16th centuries. Essays on the social history]. Saint-Petersburg: Publ. SPbGU, 2003. 640 p.

Smirnov, Nikolay Valentinovich. Rekonstruktsiya sostava i chislennosti russkikh i litovskikh voysk v bitve na Vedroshi [Reconstruction of the composition and quantity of Russian and Lithuanian troops in the Battle of Vedroshi], in *Russkoe srednevekov'e. Sb. statey v chest' Yu. G. Alekseeva*. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2012. (In Russian.)

Veselovskiy, Stepan Borisovich. *D'yaki i pod'yachie. XV–XVII vv.* Moscow: Nauka Publ., 1975. 611 p. (In Russian.)

Veselovskiy, Stepan Borisovich. *Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev* [Studies in the history of the service class of landowners]. Moscow: Nauka Publ., 1969. 583 p. (In Russian.)